

Алексей Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет
a.v.malinov@gmail.com

Alexey Malinov

Saint Petersburg State University
a.v.malinov@gmail.com

Михал Мильчарек

Ягеллонский университет
norylskinikiel@gmail.com

Michał Milczarek

Uniwersytet Jagielloński
norylskinikiel@gmail.com

ПИСЬМО В. В. РОЗАНОВА И. М. ГРЕВСУ
(ЭПИСТОЛЯРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ)¹

LETTER FROM V. V. ROZANOV TO I. M. GREVS
(EPISTOLARY COMMENTARY)

Статья предвывает публикацию письма Василия Васильевича Розанова (1856–1919) историку-медиевисту Ивану Михайловичу Гревсу (1860–1941). Рассматриваются особенности языка и философского мышления Розанова. Отмечаются периоды его творчества, влияние на Розанова идей славянофилов (концепция «цельной личности», понятие «стиль культуры», значение религии, критика западной культуры и др.), мифологическая основа многих его рассуждений и их зависимость от журналистской конъюнктуры, их соответствие религиозно-философским исканиям начала XX в. и др. Проводится сравнение Розанова с В. О. Ключевским, лекции которого он слушал в Московском университете. Указывается на сходство методологических приемов Розанова и В. О. Ключевского (синтетический характер мышления, стремление к парадоксам, выявление несоответствия идеала его реализации). Проводится параллель содержания письма И. М. Гревсу (характеристика Е. А. Карташёвой, сестры А. В. Карташёва) анализу Розановым религиозного сознания, в частности, русского сектантства (хлыстовства и скопчества), его интерпретации пола.

Ключевые слова: В. В. Розанов, И. М. Гревс, А. В. Карташёв, славянофильство, сектантство, журналистика, философия, литература.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

The article precedes the publication of a letter from Vasily Vasilyevich Rozanov (1856–1919) to the historian medievalist Ivan Mikhailovich Grevs (1860–1941). The features of the language and philosophical thinking of Rozanov are considered in the article. The periods of his work, the influence on Rozanov of the ideas of the Slavophiles for example the concept of “integral personality”, the concept of “style of culture”, the importance of religion, criticism of Western culture, etc. the mythological basis of many of his arguments and their dependence on the journalistic environment, their correspondence to religious philosophical searches of the beginning of XX century. The authors draw a comparison of Rozanov with V. O. Klyuchevsky, whose lectures he attended at Moscow University. The authors indicate the similarity of the methodological techniques of Rozanov and V. O. Klyuchevsky (the synthetic nature of thinking, striving for paradoxes, revealing the discrepancy between the ideal of its implementation). They draw a parallel between the content of the letter to I. M. Grevs (characteristic of E. A. Kartasheva, sister of A. V. Kartashev) and Rozanov’s analysis of religious consciousness, in particular, Russian sectarianism (Khlystovism and skopstvo) and his interpretation of gender.

Keywords: V. V. Rozanov, I. M. Grevs, A. V. Kartashev, Slavophilism, sectarianism, journalism, philosophy, literature.

«...и бросайте скверную русскую привычку только кушать и пить: нужно немножко и подумать!»

В. В. Розанов

Большинство историков русской философии в качестве одной из особенностей отечественной философской традиции отмечают позднее появление систем и вообще слабую склонность русских мыслителей к систематическому изложению своих учений. Но даже на этом фоне отечественного философского произвола творчество В. В. Розанова выдаётся как своеобразный апогей бессистемности взглядов, необязательности выводов при резкости и категоричности суждений. Исследователь Розанова здесь сродни демиургу. Попытки претворить хаос розановской мысли в познаваемый космос не прекращаются вот уже около века. Современное розановедение насчитывает десятки монографий и диссертаций на многих языках. Издана *Розановская энциклопедия*. Количество же прочих мелкокалиберных сочинений едва ли поддается историографическому учету, герменевтическим бременем ложась на плечи новых исследователей. Розанов — один из самых переиздаваемых отечественных мыслителей, причем переиздаваемых не только регулярно, но и систематически, благодаря энтузиазму и материально-организаторским способностям А. Н. Николюкина. Однако даже внушительный объем розановского наследия, оставляющий широкое пространство для истолкований и комментариев, систематизаций и додумываний, не объясняет столь активного и даже агрессивного исследовательского интереса, интенсивная энергия и экстенсивная многоплановость которого сужают возможности дальнейшего самостоятельного научного поиска.

Чем же привлекает Розанов? Образность мышления и яркость языка позволяют не без удовольствия излагать и пересказывать его взгляды.

Актуальность же обращения к наследию Розанова, помимо несомненной эвристичности многих его идей, объясняется свободой философского поиска и методологической раскрепощённостью философской публицистики русского мыслителя. Для профессионального философа, привыкшего рассуждать по канону, образцу или идеологической формуле, — это особенно важно. Обращение к творчеству Розанова раздвигает предметный и методолого-стилистический горизонты философствования. В то же время и сам Розанов по мере изучения его философского наследия, умножающего обладателей ученых степеней, становится более степенным, прибавляет в авторитете и превращается в классика.

Философские взгляды Розанова в течение жизни претерпели существенную эволюцию. И хотя эта эволюция во многом была связана с изменением методологических установок и стилистических приёмов, для Розанова эти изменения были очень существенны. В его творчестве можно выделить четыре периода. Первые работы Розанова, написанные до переезда в Петербург (трактат *О понимании*, книга «*Легенда о великом инквизиторе*» Достоевского, статья «Место христианства в истории», перевод *Метафизики* Аристотеля), являются единственными в строгом смысле философскими. К 1890-е гг. относится второй период, когда Розанов активно сотрудничал с консервативными изданиями. В конце 1890-х гг. он переходит в газету *Новое время* и начинает разрабатывать темы пола, семьи и брака, принесшие ему известность и материальное благополучие. Тогда он и находит свой собственный путь в философии. Это третий период. И наконец, к началу 1910-х гг. Розанов вырабатывает новый жанр «опавших листьев», жанр исповедальной прозы, и становится одним из самых динамичных русских литераторов своего времени. В последнее десятилетие его жизни были написаны самые значительные работы писателя: *Уединённое*, *Опавшие листья*, *Мимолётное*, *Апокалипсис нашего времени*. Не будь их, едва ли можно было говорить о Розанове как о самобытном писателе и мыслителе. Он остался бы успешным публицистом, не лишённым оригинальности.

Однако литературно-философская самобытность Розанова сопровождалась его идейно-тематической всеядностью, готовностью писать на любые темы, широкими горстями черпая и перерабатывая чужие идеи. Правда, синтетический и компаративистский ум Розанова быстро преодолевал грань между влиянием и заимствованием. Заимствование из типологической особенности русской философии в целом превращалось у него в методологический приём философской публицистики. Так, например, в первом и втором периоде творчества Розанова многообразно сказались влияние на него славянофилов, как ранних, так и поздних, особенно К. Н. Леонтьева, занимавшего высшую ступень в иерархии розановских предпочтений. Можно даже усмотреть своеобразную судьбоносную преемственность между славянофилами и Розановым: год рождения Розанова совпадает с годом смерти братьев Киреевских и цензурной

амнистией славянофилов (в 1856 г. начинает издаваться единственный славянофильский журнал *Русская беседа*), а с К. Н. Леонтьевым Розаново свело вместе, как известно, могильное соседство. Наиболее значительным приобретением Розанова у ранних славянофилов стала концепция «цельной личности» — это порождение русского онтологизма. Субъект розановской философии — это не трансцендентальный субъект классической философии, а именно способная к трансцендированию «цельная личность». Однако в последствии Розанов расширит и одновременно трансформирует эту концепцию, полагая, что понимание личности будет не полным без принадлежащих ей телу и пола. Философия Розанова принимает вид своеобразной физиологии сознания. Мысль, как показывает он на собственном примере, множеством нитей связана с целостной личностью и телесностью человека, обусловлена обстоятельствами его существования. Мысль — результат деятельности целостной личности. Мысль — продукт жизни. К этой, восходящей к И. В. Киреевскому, философской традиции присоединяется Розанов, несколько на свой лад ее изменяя. От поздних же славянофилов Розанов заимствовал учение о культурно-исторических типах.

Влияние славянофилов на Розанова не ограничивается концепцией «цельной личности» и теорией культурно-исторических типов. Многие идеи Розанова на самом деле имеют славянофильские корни. К ним следует отнести и определяющее значение религии в становлении культуры (на этом настаивали как ранние, так и поздние славянофилы), и идею «духовного служения» в качестве принципа культурной деятельности (она заложена в славянофильском учении о личности как органе сознания, разрабатывавшемся К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным), и даже понятие «стиля культуры», органично выводится из эстетического учения К. Н. Леонтьева. Понимание католицизма как высшей формы романского духа, а протестантизма — германского духа, о которых писал Розанов, было предложено Ю. Ф. Самариным в полемике с Б. Н. Чичериным. Причём сам Ю. Ф. Самарин признавался, что лишь развивал идеи французского историка Ф. Гизо. Критика ранним Розановым европейской культуры за индивидуализм, утилитаризм, механистичность и рационализацию связей и отношений в обществе, забвение тогда еще основополагающих для мыслителя христианских идеалов во многом идёт от критики европейского «мещанства» А. И. Герценом и К. Н. Леонтьевым.

В учении о человеке Розанова явно сказалось влияние Ф. М. Достоевского. В рассуждениях о «человеке толпы» он идёт по следам той журнальной полемики, которую вызвала публикация работы Н. К. Михайловского *Герои и толпа*. Примеры можно продолжить, но они не меняют суть дела: содержательно творчество Розанова не столь самостоятелно, как это может показаться на первый взгляд.

Конечно, не стоит упрекать Розанова в плагиате, в преобладании заимствований над оригинальностью подхода. Не стоит и ожидать от Ро-

занова слишком многого; следует учитывать те цели и задачи, которые он преследовал. Необходимо помнить, что Розанов одновременно непрофессиональный философ, писатель и публицист, а творчество для него — также способ заработка. Поэтому конъюнктура для Розанова часто играла определяющую роль в выборе темы или подхода к ней. Он этого и не скрывал и писал о том, что непременно захотят прочитать (о семье и поле, церкви и еврейском вопросе и т. п.), о том, что и так уже обсуждают современники, к восприятию чего они уже отчасти подготовлены. Изучая Розанова, всегда следует учитывать с оглядкой на кого или на что он писал. Нельзя отрицать безусловную оригинальность формы многих произведений Розанова; многое остальное у него — контексты и оттенки.

С внешней стороны (как литературной формы, так и наружного облика, фигуры) Розанов обнаруживает удивительное типологическое сходство с В. О. Ключевским. Заурядный, до мизерабельности, внешний вид, «смешной (бабий)», по словам Розанова, голос, а главное, — литературный талант. Правда, говорить о Розанове как исследователе и мыслителе, сформировавшемся в исторической школе В. О. Ключевского, не стоит. Курс историко-филологического факультета Московского университета, на котором учился Розанов, как известно, был первым, которому стал читать лекции по русской истории В. О. Ключевский, занявший кафедру после смерти С. М. Соловьёва. Розанов, таким образом, слушал лекции еще С. М. Соловьёва и уже В. О. Ключевского. На одном с ним курсе учился, например, будущий историк и политический деятель П. Н. Милоков. Уже после смерти историка Розанов посвятил ему не большую газетную заметку, в которой, как всегда очень автобиографично, аттестовал своего героя, а также неоднократно упоминал о В. О. Ключевском в других своих работах. «Мне кажется, — писал он, — если сказать, что Ключевский был “русский историк”, то этого недостаточно. Место его выше. Мне сейчас хотелось сказать, что его место “в литературе”: но, в сущности, и этого он выше. Его место среди “замечательных русских людей”...» (Розанов 2013: 593). В. О. Ключевский, как известно, не написал ни одного чисто литературного произведения, но второй раз был избран в Академию наук по разряду изящной словесности. Розанов, тоже не написав ни одного художественного произведения, сказал свое слово в русской литературе и вошел в круг наиболее читаемых русских писателей. О нем также можно сказать, что Розанов не только «русский философ», его место в «литературе» и даже среди «замечательных русских людей».

Особенность исследовательского подхода В. О. Ключевского состояла в том, что в своём лекционном курсе он, с одной стороны, опирался на факты, изложенные у С. М. Соловьёва, а, с другой стороны, заимствовал ряд концептуальных положений у А. П. Щапова, в частности, представление о колонизационном характере русского исторического про-

цесса. При этом областническая теория А. П. Шапова разрабатывалась как альтернатива государственной школе, к которой принадлежал С. М. Соловьёв. В. О. Ключевский берёт эти два противоположные, даже во многом антагонистические учения и даёт их гениальный синтез, который облекает в блестящую литературную форму. Розанов хорошо усвоил этот методологический приём В. О. Ключевского. Розанов — не исследователь: он не ищет новые источники, не устанавливает факты, а берёт уже известное, обрабатывает и преподносит его с новой точки зрения, опробуя новые формы осмысления культуры. Во многих работах у Розанова своё — только форма. Он — господин оформитель историко-культурной и философской мысли своего времени. Розановская публицистика — распродажа интеллектуального конфиската, лично пережитого и упакованного в новую литературную форму. По словам В. А. Серковой, «литературная форма придает его философии совершенное — экфрастическое — выражение» (Серкова 2013: 61). Еще один методологический прием Ключевского и Розанова — это парадоксальность, указание на противоречивость явления, на контраст идеала и его реального воплощения.

Не отрицая искреннее увлечение Розанова некоторыми сюжетами, например, историей и культурой Египта, его всё же нельзя назвать в строгом смысле исследователем. В древнеегипетской религии Розанова особенно привлекала магия слова (Шелковая 2017: 184). Чувство языка позволяло ему не просто по-журналистски «гнать стоку», но творить новые смыслы, что, собственно, и поднимает розановскую публицистику до уровня литературы. Он обладал «фантастическим, почти “звериным” чувством слова» (Едошина 2019: 97). Вся фактическая сторона в его работах заимствована. Он не обнаруживает или устанавливает факты, но интерпретирует их, ищет между ними незамеченные раньше связи или привносит в них парадоксалистский схематизм. Но для Розанова — это методологический приём, сродный «идеальному типу» М. Вебера, посредством гипертрофированных характеристик анализирующей сущность изучаемого явления. С условным схематизмом и крайностями розановских суждений нет смысла спорить или приводить факты им противоречащие; они допустимы лишь на бранном поле журналистской полемики. Да и само обращение Розанова к различным историческим культурным типам часто являлось всего лишь поводом поговорить на волнующие его и современное ему общество темы: семья, пол, религия, церковь и т. п.

Несмотря на нескрываемую конъюнктурность многих розановских писаний, они сохраняют эффект искренности, усиленный «психопатической подкладкой» (Дмитриев 2019: 147–148 и др.). Это достигается тем, что умозрительное у Розанова неотделимо от личного. Особенно ярко это проявилось в его работах, посвященных русской церкви. Сам Розанов-литератор — плод конфликта официальной, церковной религиозно-

сти и поисков личного Бога. Властно-собственническая тучность церкви, неповоротливость и косность русского православия, отягощённого обрядоверием, уставным благочестием и стяжательством, входили в противоречие с духовной жаждой Розанова и его непризнанным семейным положением. Именно поэтому так прочувствованно и страстно писал Розанов о религии и церкви. Он не только риторически обличает лицемерие христианства, но и подводит под него онтологическое обоснование (Ноговицин 2019: 21–23). В публицистике Розанова поражает какая-то катафатическая ярость, нарочитая и напористая убедительность, каскады констатаций, характеристик и определений, задача которых — полностью исчерпать, до конца проговорить выбранную тему. В этой попытке проговорить несказанное, выразить то, о чём следует умалчивать и недоговаривать, Розанов переходил всякую меру. Однако на деле попытки показать тыльную сторону церковной жизни, приоткрыть исподнюю область религиозного сознания и чувства приводили к тому, что метафизические факты и религиозные переживания сводились к «маленьким психологическим наблюдениям». Особенно резко Розанов критиковал Евангелие и Христа, критиковал за безжизненность и противостественность учения, противопоставляя христианству ветхозаветную или языческую религию рода и пола. Не знаем, обрёл ли Розанов жизнь вечную, но Бог, о котором с такой доверительно-личной педантичностью он писал, покарал его по-ветхозаветному — род Розанова пресёкся.

Богоборчество Розанова имеет явную мифологическую основу; здесь не трудно проследить многочисленные параллели в мифологии. Но мифологичны практически все философские построения Розанова. Так, к мифу об андрогинах отсылает его учение о «третьем поле». Чисто мифологическими образами являются и используемые им понятия Древа Жизни, чрева, родопола и т. д. Розанов создавал не теоретико-философскую систему, а мифологию культуры, для которой не нужны строгие рассуждения и доказательства. Его творчество можно также рассматривать в ключе «теории архетипов» К. Г. Юнга. Древо Жизни или всеобъемлющая плодovitость отсылают к изначальным первообразам, скрытым в коллективном бессознательном. Розановские «архетипы» кажутся родственны дионисийскому архетипу «нерушимой жизни», описанному К. Кереньи. Если игнорировать мифологическую или архетипическую почву розановских построений и контексты, в которых растворяется оригинальность его мысли, то остаётся лишь догматизировать его учение, что крайне не органично, чужеродно самому Розанову. Догматизация же, неизбежно переходящая в схематизм, приводит к банализации всего розановского философствования. Перечисление сюжетов его философии: метафизика и христианство, семья и церковь, эротика и нигилизм и проч. мало что говорят об этой философии. Пересказ рассматриваемых им тем или затрагиваемых им идей не способен (и в этом отличие Розанова от большинства других мыслителей) раскрыть его

философию и даже исчерпать ее содержание. Почему так происходит? «Философом письма» назвал Розанова А. А. Грякалов: «Розанов философствует письмом» и «только письмо, понятое как целое, демонстрирует скрытую логику сил субъективности» (Грякалов 2013: 22, 24). Понять Розанова вне его письма и стиля невозможно.

Идейная основа философии Розанова и сам контекст его существования принадлежат эпохе «русского религиозно-философского ренессанса», хотя, вероятно, нет мыслителя той поры, более актуализированного и востребованного, чем Розанов. Затрагиваемые им темы отсылают к классической русской словесности XIX в., приватно изрекаемые истины выросли из славянофильских грез о самобытности и его личного литературного микрокосма, но они стали интеллектуальным фактом уже XX в. «Розанов для современного читателя — весь в двадцатом веке: “в своем углу” русского ренессанса собеседующий со своей душой, он для нас более “свой”, более “родной”», — признается А. П. Козырев (Козырев 2004: 22). Личные и деловые отношения нередко переплетались в Розанове до неразличимости. Отчасти особенности этих отношений раскрывает публикуемое письмо историку-медиевисту Ивану Михайловичу Гревсу (1860–1941), отложившееся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. При обработке фонда И. М. Гревса (Ф. 726.) оно было разделено на две части, которые были отнесены к разным единицам хранения. Окончание письма (Ед. хр. 214) с подписью Розанова было соответствующим образом атрибутировано. Начало же письма (Ед. хр. 355) было отнесено к «письмам неустановленных лиц». В письме Розанов ходатайствует о зачислении на Высшие женские курсы Елизаветы Владимировны Карташёвой, сестры известного историка русской церкви и богослова Антона Владимировича Карташёва. Письмо датировано 1907 г., т. е. когда А. В. Карташёв преподавал на Высших женских курсах. По какой причине Розанов действовал помимо А. В. Карташёва, точно неизвестно. Отношения Розанова с А. В. Карташёвым складывались не просто. Именно А. В. Карташёв, председатель Религиозно-философского общества, вместе с Мережковскими был инициатором исключения Розанова из членов общества в начале 1914 г. С Е. В. Карташёвой Розанов поддерживал отношения и после 1907 г. Опубликовано письмо Розанова Д. С. Мережковскому, датированное 15 июня 1914 г., которое он передавал через Е. В. Карташёву (В. В. Розанов — Д. С. Мережковскому 1997: 581). По указанному в письме адресу Е. В. Карташёвой (Саперный пер., д. 10, кв. 68) проживал и ее брат.

Пожалуй самым интересным, сугубо «розановским» фрагментом письма является место, в котором он сравнивает Е. В. Карташёву с «хлыстовской богородицей» и упоминает о характерной для нее отсутствии «половой суетливости». Как известно, Розанова интересовала тема русского сектантства, а особое внимание он уделял двум сектам, уходящим в XVII–XVIII вв. — хлыстовству и скопчеству. Он посвятил им даже

отдельную книгу *Апокалиптическая секта* (СПб., 1914), в которой собраны его статьи разных лет касающиеся этой темы. Много внимания Розанов уделяет там отношению обеих сект к проблеме пола и половой страсти. Тема человеческой сексуальности, начиная с последних лет XIX в., была для него одной из важнейших: в ее контексте Розанов рассматривал религию, культуру и современную цивилизацию. Пол стал для него категорией не только биологической или культурной, но прежде всего метафизической, связывающей землю с Богом. Проблема пола явилась для него также одной из главных причин идейной расправы с христианством, которая в итоге привела мыслителя на антихристианские позиции. Этот интерес мы можем наблюдать и в отношении к упомянутым сектам. Рождение секты хлыстов мыслитель связывал именно с «половым отклонением» — трансформацией «ненормативной» сексуальной энергии и перенаправлением ее в несексуальную область. Он отмечал парадоксальный характер учения и практики секты, с одной стороны, проповедующей чистоплотство и отречение от любых половых актов, а с другой, — прибегающей к экстатическим радениям и пляскам. Розанов считал, однако, вопреки появляющимся довольно часто мнениям, что эти радения отнюдь не заканчивались у хлыстов «свальным грехом»: «Отвращение их к плотскому общению до такой степени ярко <...>, что самое возникновение сплетни о свальном грехе нужно отнести к действию испорченного воображения исследователей» (Розанов 2002: 377–378). Свойственные хлыстам радения являются для Розанова именно трансформацией сексуальной энергии. Мыслитель понимал хлыстовство как «вольное, дикое, от создания мира бытийствующее *монашество*» (Розанов 2002: 419). Хлыстовское чистоплотство, аскетизм и особое напряжение духовных сил способны совершить «повторное явление» Христа и Богородицы, которые во время экстатических радений «воплощаются» в хлыстов. Искупление остается не фактом прошлого, а задачей, стоящей перед человеком.

Итак, называя Е. В. Карташёву «хлыстовской богородицей», а также «врождённым, произвольным монахом», который избегает «всяких» половых отношений, Розанов повторил в своем письме ключевые элементы собственной характеристики хлыстовской секты, и в очередной раз подчеркнул прямую связь сферы пола со сферой духа. Необычное положение в сфере «пола» (полное отсутствие «половой суетливости») указывает на избыточное напряжение духовных сил. Эта практика перенаправления и трансформации энергии параллельна механизму сублимации, описанному З. Фрейдом. Вся «энергия души [Карташёвой] брошена в науку, в книги» — пишет Розанов, имея здесь ввиду именно преобразованную энергию пола. Доказательством является здесь для Розанова и лицо брата этой женщины, А. В. Карташева, которого, согласно Розанову, тоже характеризует половая воздержанность, но это ему ни к чему случае «не мешает <...> в научных занятиях».

Характерно и то, что затем Розанов извиняется перед адресатом письма за эти необычные «подробности», оправдывая их тем, что они «срываются» у него «невольно». «Невольные» — рождающиеся в душе самостоятельно и спонтанно, неконтролируемые интеллектом мысли — станут основой литературного цикла «опавших листьев», который Розанов начнет писать через несколько лет. Они будут именно «срываться» как листья и запечатлеваться Розановым на бумаге. В публикуемом письме можно видеть ранние опыты этого процесса. «Мысли-листья» — это проявление жизни души и действующего в ней энергетического потока, что опять отсылает нас к полу и его неотъемлемой связи с областью духа.

Письмо В. В. Розанова И. М. Гревсу продолжает публикацию эпистолярного наследия русского мыслителя (см.: Письма В. В. Розанова 2018). Публикуется по автографу В. В. Розанова (Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Ед. хр. 355. Л. 84, 84 об., 85, 85 об.; Ед. хр. 214. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.). Текст издан по современным правилам орфографии и пунктуации. Стилистические особенности в тексте и особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные или неразборчиво написанные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках [].

Письмо В. В. Розанова И. М. Гревсу

Глубокоуважаемый
Иван Михайлович!

Пишу Вам настоящее письмо и с сомнением, и с надеждою. Сомнение проистекает из предупреждения, выслушанного мною в прошлом году, о том, что Вы во всех своих решениях, служебных и педагогических, руководствуетесь исключительно формальною стороною дела; а надежда проистекает из того доброго имени, какое Вы заслужили во всех кругах Петербурга своей любовью к просвещению и поддержкою всего и всех, кто ищет его. Я хочу Вас попросить о кандидатке на Высшие Женские Курсы, Елизавете Владимировне Карташевой, — сестре читающего у Вас лекции Антона Влад[имировича] Карташева². Кре-

² Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) — историк русской церкви, богослов. Окончил Пермскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию, преподавал церковную историю в Петербургской духовной академии (1900–1905) и на Высших женских курсах (1906–1918), с 1909 г. председатель Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге. Последний обер-прокурор Святейшего Синода и первый министр вероисповеданий во Временном правительстве (1917). С 1919 г. в эмиграции, профессор Богословского института св. Сергия в Париже.

стьянского рода (в деде и бабушке), духовная по отцу и матери, — естественно малюткою она была отдана в епархиальное училище³; и приняла всё в смысл «прав и ограничений», что связано с этою школою. Но девушка эта, не на мой только личный взгляд, но на взгляд решительно всех, кто имеет к ней хотя бы какое-нибудь отношение, совершенно исключительная. И я уверен, что если бы Вы ½ часа побеседовали с нею, Вы бы уже увидели, что она вовсе не рядовая девушка. Скромная, любящая уединение, — любящая до того его, что напр[имер] наша семья, много лет знавшая её брата, даже не подозревала о существовании у него сестры, которая между тем жила вместе с ним, — не навязчивая, никуда не лезущая, она вся и героически предана книге, учению, идеалам литературы и философии. Как-то её брат, конечно не имеющий причины не быть гордым и самолюбивым, как все молодые люди, сказал мне года два назад: «сестра гораздо способнее меня»; он разумел — в отношении умения образовывать глубокие взгляды на вещи и даже [...] в отношении занятий наукою: ибо беседа наша вращалась в этих темах. К сожалению, он слишком ушёл в свои занятия, и вероятно эту осень пропустит время и забудет попросить усердно и внимательно о своей сестре. Чисто случайно она поступила на Рождественские курсы⁴: но и там была первою ученицею, не имея никакого призвания к медицине, никакого расположения. Все её интересы — на поприще литературы, истории и философии; вся её душа помещена, — как говорят о деньгах, лежащих в банке, — во всемирный гуманитарный идеализм. Больно и грустно до слёз, наконец досадно на нашу печальную русскую действительность, что человек таких выдающихся способностей и до известной степени умственной страсти, человек как-то органически не способный ни к чему глупому и пошлomu, ни к чему несерьёзному, — оттолкнут от места, где он был бы первым или из первых, только по случайной причине, что родители — ничего не предвидя — отдали малютку в ближайшую школу, какая была под руками (в Пермской губернии) — в Епархиальное училище. Однако Екатерина Вячеславовна Балабанова⁵, к которой я ходил прошлую осень просить её посредничества перед начальством Выс-

³ Епархиальное женское училище в Перми, существовавшее с 1891 по 1918 г. В училище преподавались естественнонаучные (физика, природоведение, арифметика, география) и гуманитарные (педагогика, дидактика, чистописание, законоведение, история, пение, музыкальная грамота, рисование) дисциплины.

⁴ «Рождественские курсы» — Школа лекарских помощниц (Училище лекарских помощниц и фельдшерниц). Открыты в 1872 г. в Петербурге при Рождественской барачной больнице. Упразднены в 1918 г.

⁵ Екатерина Вячеславовна Балабанова (Балабанова) (1847–1927) — историк литературы, исследовательница и переводчик средневекового западноевропейского эпоса, теоретик и практик библиотечного дела. Училась в Сорбонне и Гейдельбергском университете. Окончила библиотечные курсы Геттингенского университета и Высшие женские курсы в Петербурге (1882). Работала библиотекарем на ВЖК. Член Общества для доставления средств ВЖК.

ших курсов⁶, сообщила мне, что постановление Совета профессоров не принимать на Курсы эпархиалок проистекает из слабой подготовленности и неразвитости питомиц этой школы. Вот тут я немножечко и надеюсь: если таков мотив Совета профессоров и Управления Курсами, то они могут сделать для Карташевой исключение: ибо ведь она давно уже не «эпархиалка», это только печальный диплом, припиленный к человеку, который давно перерос и постоянными научными занятиями, и наконец даже формально занятиями на Рождественских курсах, которые в смысле метода не могли же не оказать действия на неопытную и наивную девочку из эпархиального училища. Профессора ищут солидных слушательниц, не хотят пустоцвета: но всё это с избытком, всё это в редком сочетании есть у Карташевой. Я очень страшусь, чтобы это ходатайство моё не приписали личному чувству: повторяю — все, кто её немножко знают, думают о ней также, как я. Мой личный взгляд пожалуй имеет тот оттенок, что я, следя за её серьёзной, решительной и здравомысленной фигурой, слыша, как она повсюду оказывает действие на своих подруг-соучениц, любясь огромным достоинством, с каким куда бы ни пришла — держит себя эта девушка в сущности характера, всегда думал, что вот такие-то девушки и ...и становятся в тёмном простонародьи нашем, в глухом сектантстве — «хлыстовскими богородицами». Но только у этой вся энергия души брошена в науку, в книги. Мне хочется ещё добавить ту важную черту в ней, — что как и брат её, Антон Владимирович Карташев, — с которым она имеет вообще много сходства, но только шире и смелее его, — она врождённый, произвольный монах, без всякой половой суетливости, какая всё-таки не мешает ихнему брату в научных занятиях. Я очень извиняюсь перед Вами за эти подробности, которые срываются у меня невольно при мысли об этой милой и очень необыкновенной девушке. Я пишу Вам это письмо как уважаемому профессору, — с мыслью, что именно историк и особенно историк культуры углубится во все оттенки этого положения девушки, не допускаемой к любимым ею формам просвещения по роковой ошибке родителей, поместивших её не в ту категорию школ, какая вот теперь именно только стала требоваться Советом профессоров. Ведь 15 лет назад этого требования не было и его невозможно было предвидеть. Словом — тут рок, захит: и свободная воля человека должна бы подняться над ним. Карташева не ищет дипломов, ни последующих профессиональных занятий. Всё это она давно нашла бы при помощи Рождественских курсов или Медицинского Института. Она ищет настоящего профессора и настоящие лекции по гуманитарным наукам, руководитель-

⁶ Высшие женские курсы — одно из первых высших учебных заведений для женщин в России. Были открыты в 1878 г., в 1918 г. вошли в состав Петроградского университета. Первым директором курсов был историк, академик К. Н. Бестужев-Рюмин, поэтому неофициально курсы также именовались Бестужевскими.

ства в занятиях и обширной библиотеки. Всё это — у Вас, в Ваших курсах, на благородных курсах, учреждённых незабвенным Бестужевым-Рюминым⁷. И я прошу и наконец решаюсь умолять Вас сделать для неё исключение — принять её на Курсы Ваши, на этот раз устранив вопрос о пройденной ею средней школе, которую, повторяю, она давно переросла знаниями и развитием.

С истинным уважением остаюсь В. Розанов (сотрудник «Нового Времени»⁸ и других журналов и газет).

Кисловодск. 28 июля 1907 года.

ЛИТЕРАТУРА

- «В. В. Розанов — Д. С. Мережковскому 15.06.1914. Луга—СПб». *Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках*. Москва: Языки русской культуры, 1997: 579–583.
- Грякалов Алексей. «Письмо и субъективность: опыт В. В. Розанова». *Мысль. Журнал Петербургского философского общества* 14 (2013): 18–24.
- Дмитриев Андрей. «Неопубликованная переписка В. В. Розанова с С. А. Венгеровым: исповедальные мотивы, споры о “направлениях” и критика “дурного сердца”». *Соловьевские исследования* 2 (2019): 145–159.
- Едошина Ирина. «“Концы” и “начала”: философия бытия Василия Розанова». *Соловьевские исследования* 2 (2019): 96–112.
- Козырев Алексей. «В. В. Розанов и Вл. Соловьев: диалог в поисках Другого». *Соловьевские исследования* 9 (2004): 21–49.
- Ноговицин Олег. «Марксистский революционный мессианизм и антимессианизм консервативный в социально-политической мысли России начала XX века: богостроители и В. В. Розанов». *Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии* 2 (2019): 11–26.
- «Письма В. В. Розанова». *Вопросы философии* 3 (2018): 95–98.
- Розанов Василий. *Возрождающийся Египет*. Москва: Республика, 2002.
- Розанов Василий. «Ключевский (к 75-летию со дня рождения)». Малинов А. В. (ред.-сост.). *В. О. Ключевский: pro et contra. Антология*. Санкт-Петербург: РХГА, 2013: 592–595.
- Серкова Вера. «“О понимании” В. В. Розанова». *Мысль. Журнал Петербургского философского общества* 14 (2013): 58–66.
- Шелковая Наталья. «Встречи с В. Розановым. Сущность христианства». *Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии* 1 (2017): 182–194.

LITERATURE

- Dmitriev Andrej. «Neopublikovannaya perepiska V. V. Rozanova s S. A. Vengerovym: ispovedal'nye motivy, spory o “napravleniyah” i kritika “durnogo serdca”». *Solov'evskie issledovaniya* 2 (2019): 145–159.

⁷ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — русский историк, профессор Санкт-Петербургского университета (1865–1882), первый директор Высших женских (бестужевских) курсов в Петербурге (1878–1882), академик (1890), последователь славянофильства.

⁸ Новое время — политическая и литературная газета, выходившая с 1868 по 1917 г. С 1876 г. газета издавалась А. С. Сувориным (1834–1912).

- Edoshina Irina. «“Koncy” i “nachala”»: filosofema bytiya Vasiliya Rozanova». *Solov'evskie issledovaniya* 2 (2019): 96–112.
- Gryakalov Aleksej. «Pis'mo i sub'ektivnost': opyt V.V. Rozanova». *Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* 14 (2013): 18–24.
- Kozyrev Aleksej. «V. V. Rozanov i V. I. Solov'ev: dialog v poiskah Drugogo». *Solov'evskie issledovaniya* 9 (2004): 21–49.
- Nogovicin Oleg. «Marksistskij revolyucionnyj messianizm i antimessianizm konservativnyj v social'no-politicheskoj mysli Rossii nachala XX veka: bogostroiteli i V.V. Rozanov». *Filosofskij polilog. Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii* 2 (2019): 11–26.
- «Pis'ma V. V. Rozanova». *Voprosy filosofii* 3 (2018): 95–98.
- Rozanov Vasilij. *Vozrozhdayushchijysya Egipet*. Moskva: Respublika, 2002.
- Rozanov Vasilij. «Klyuchevskij (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya)». Malinov A. V. (red.-sost.). *V. O. Klyuchevskij: pro et contra. Antologiya*. Sankt-Peterburg.: RHGA, 2013: 592–595.
- Serkova Vera. «“O ponimanii” V. V. Rozanova». *Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* 14 (2013): 58–66.
- Spelkovaya Natal'ya. «Vstrechi s V. Rozanovym. Sushchnost' hristianstva». *Filosofskij polilog. Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii* 1 (2017): 182–194.
- «V. V. Rozanov — D. S. Merezhkovskomu 15.06.1914. Luga–SPb». *Vzyskuyushchie grada. Hronika chasnoj zhizni russkih religioznych filosofov v pis'mah i dnevnikah*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1997: 579–583.

Алексеј Маљинов, Михаил Миљчарек

ПИСМО В. В. РОЗАНОВА И. М. ГРЕВСУ (ЕПИСТОЛАРНИ КОМЕНТАРИ)

Резиме

Чланак прати публикацију писма Василија Васиљевича Розанова (1856–1919) историчару-медијевисти Ивану Михајловичу Гревсу (1860–1941). Проучавају се особености језика и философског мишљења Розанова. Наводе се периодизација његовог стваралаштва, утицај словенофилских идеја (концепција „целовите личности“, појам „стил културе“, смисао религије, критика западне културе итд.), митолошка основа многих његових расуђивања и њихова зависност од новинарске конјунктуре, њихово поклапање са религиозно-философским истраживањима с почетка XX века и др. Врши се поређење Розанова с В. О. Кључевским, чија предавања је руски философ слушао на Московском универзитету. Указује се на сличност методолошких поступака Розанова и В. О. Кључевског (синтетични карактер мишљења, тежња ка парадоксу, откривање неслагања између идеала и његове реализације). Наводи се паралела између садржаја писма И. М. Гревсу (карактеристика Ј. А. Карташове, сестре А. В. Карташова) и анализе Розановљеве религиозне свести, односно руског секташтва (хлистовство и скопство), његова интерпретација пола.

Кључне речи: В. В. Розанов, И. М. Гревс, А. В. Карташов, славнофилство, секташтво, новинарство, философија, књижевност.